

ПРОЛОГ

Зимняя ночь в Москве. Звезды, мерцающие в морозном небе, редкие, куда-то спешащие машины и черные окна спящих многоэтажек. Человек идет по пустынной заснеженной улице, освещенной холодным зеленоватым светом фонарей.

Прилично одетый, в польской дубленке и норковой шапке, черных кожаных перчатках, скрывающих вытатуированный на правой кисти якорь — память о лихой срочной службе на Северном флоте.

Хороший у человека был день, удачный. Трудный? Еще какой! Лишь час назад удалось закончить вычитку очередного договора — перспективного, но необычайно объемного. Потом убрать его в вычурный, от какого-то разорившегося кооператива оставшийся сейф, с наслаждением потянуться, закрыть опустевший офис и не спеша отправиться домой.

Недавно купленный огромный вишневый «мерседес» завелся с пол-оборота, еле слышно заурчал двигатель.

В прошлом месяце удалось срубить крутые бабки, на которые и был куплен этот шедевр германского автопрома. Пятилетний, можно сказать, новье! После привычных «жигулей» так просто чудо. Каждая

поездка на нем — как сказка, пришедшая в этот скучный, прозаический мир.

Впрочем, скучный — это уже не про нынешние времена. Скорее, тревожный, иногда просто опасный. Рэкет, братки, разборки, крыши — боже, сколько новых слов появилось. И каждое из них — угроза не только бизнесу, но и жизни.

Опасность? Увы, присутствует. Тем слаще каждый миг, когда есть возможность просто прокатиться по городу на прекрасной машине. Ни о чем не думая, не беспокоясь. Ночь, снег и пустынная Москва!

Только что машина поставлена в гараж, осталось дойти до дома, подняться на пятый этаж и развалиться на диване с бокалом молдавского коньяка, посмотреть хороший видеофильм. «Звездные войны» или «Полицейскую академию».

И идти-то всего минут десять, но что за черт! Три нетрезвых бугая навстречу. Один с обрезком арматуры — страшное оружие.

— Эй ты, мужик, дай закурить!

Твою мать! Бежать? Поздно. Драться? Бессмысленно. И последний автобус только что отъехал от остановки, звонко хлопнув на прощание дверьми.

— Бабки есть, мужик? Нет? А найду — все мои?

Господи, вот попал! И на помощь звать некого. Лишь какой-то мужичок в куцем пальтишке, явно навеселе, пошатываясь, ковыляет от остановки. Впрочем...

— Эй вы, трое, оба ко мне!

Он что, самоубийца, этот коротышка? Он же им до плеч едва достает!

Троица остановилась, свысока оглядывая неожиданное препятствие. Хотя какое там препятствие?

Любому из них — так, оттянуться по кайфу, отпинать, согреться и дальше пойти.

— Хрен ли встали? Глухие? Впрочем, я сегодня добрый. Бегом отсюда, чтоб пятки в жопу упирались! Кто успеет — оставлю жить.

Этого пьяные герои уже не стерпели. Как, им такое! Кто? Да в грязь его, в пыль, в мясо!

Человек не успел ничего рассмотреть — все произошло мгновенно. Вот трое бегут, орут. И вот трое лежат. Один еще хрипит, но недолго. Мужичок присаживается рядом на корточки и аккуратно перерезает ему горло. Так, чтобы хлынувшая кровь не запачкала одежду. А потом снегом так же аккуратно вытирает лезвие ножа. Хищного, прямого, с короткой гардой.

— Вот, «Вишня»¹, — похвастался, — товарищи подарили. На пенсию я сегодня ушел. Расстроился, понимаешь, а тут эти... — прохожий развел руки, словно извиняясь.

На пенсию? Да ему лет сорок, не больше. Широкое добродушное лицо, виноватая улыбка, прямо добряк и ботаник. Если бы не трупы у ног. Расстроился он! А если б обиделся, что бы было?

Человек взял пригоршню снега и протер лицо. Вот это фарт! Когда уже думал, что все, кранты, отжил-отгулял, встретить такого пенсионера! Это не просто судьба, это лишний шанс выжить. Серьезный, надо признать, шанс.

— Друг, вот повезло-то! Сейчас я бы вот тут лежал. Слушай, давай ко мне! Есть отличный коньяк, мировой закусон, отметим мое спасение и твою пенсию — как, достойный повод?

¹Нож разведчика НР-43 «Вишня» образца 1943 года.

— А эти? — с сомнением мужичок посмотрел на тела.

— Да хрен с ними, ты что, хочешь еще и с мусорами объясняться?

— Вообще-то нет, не в настроении как-то, — он неуверенно пожал плечами. — Ну что ж. Коньяк, говоришь? Хорошее дело. Гарун! — И, широко улыбнувшись, мужичок протянул руку.

Pereat mundus et fiat justitia.
Пусть мир погибнет, но правосудие
восторжествует.

*Император
Священной Римской империи
Фердинанд I*

Победившим в девяностые

ГЛАВА I

Щербатов

Звон будильника! Впрочем, какой там звон, так, деликатный писк. Еще недавно будильник гремел, визжал, вопил, выдергивая из кровати не только хозяев, но и соседей, и, казалось, весь окрестный квартал. Так, должно быть, зазвучит сигнал последней войны, поднимая заспанных ракетчиков на последний пуск, после которого не останется ни самих воинов, ни вообще людей, да и зверей в придачу. Лишь сонные куры будут ходить по сожженной планете, как ходили они, неспешные и жирные, в заброшенных чернобыльских деревнях¹.

Полгода мотался Василий Щербатов по той чертовой зоне, отлавливая идиотов, воровавших имущество, которое уже никогда не потребуется хозяевам,

¹Так и было.

навсегда покинувшим эти когда-то благословенные, а ныне проклятые места.

И ловили, отвозили в пункты дислокации, где после недолгого следствия бедолагам назначали невеликие сроки. Кому-то из горе-воров это спасло жизнь. Если, конечно, поймали вовремя, пока не успел человек получить ту самую предельно допустимую дозу.

Почему-то именно эти куры, спокойно расхаживавшие среди пустых домов мертвых деревень, врезались в память.

Тогда ему казалось, что вот кончится командировка, вернется домой, и заживут они с Алкой счастливее всех на свете. А что, квартиру пообещали без очереди, денег на обустройство, да и работу получше — шутка ли, старшего опера Октябрьского РУВД грозились взять аж в ГУУР!

Кто ж в здравом уме от таких пряников откажется? Это только на карте от запрятанного в подворотне четырехэтажного дома на Большой Полянке до башни на Октябрьской площади десять минут пешком¹. Люди понимающие прекрасно знают, что для переезда из одного в другое редко кому и жизни хватает.

Так что недолго раздумывал простой районный сыщик, соглашаясь провести полгода на украинской природе, пусть и изуродованной, конечно, ну так идеальной работы не бывает.

И не обманули отцы-командиры! Двухкомнатная квартира в новом доме, деньги, все, что обещали, все дали. Да еще за пять лет дважды в должности повы-

¹Октябрьское РУВД г. Москвы находилось по адресу ул. Большая Полянка, д. 7/10, стр. 2, ГУУР (Главное управление уголовного розыска) МВД СССР — ул. Житная, д.16.

сили. Шутка ли, в тридцать два года начальник отделения! В МВД, не хухры-мухры! Живи да радуйся!

Если б не Алка. Не прошла, видать, даром та проклятая командировка, до сих пор нет у них детей. Ходили по врачам, анализами себя измучили, вердикт один: оба практически здоровы, можно в космос запускать. А то, что детей у товарища майора милиции нет, так бывает, примите, как говорится, соболезнования.

Да и времена изменились. Это раньше офицер — уважаемый человек. А сейчас дерьмо на милицию только из утюгов не льется, каждый журналюга, каждый писака, режиссер норовит обгадить. Гнусно, лживо, но их читают, смотрят, им верят, в конце концов! А что там на самом деле — кого это интересует?

Опять же Алка... Аля, Алик, Аленькая. Юная милая экономистка из сберкассы, что так восторженно смотрела на него в загсе... Теперь зампред правления банка, она по-прежнему молода, красива и любима. Изменился лишь взгляд.

Естественно, теперь не офицеры, теперь банкиры в фаворе. Хрен его знает как, но, кажется, деньги они делают из воздуха. Иначе откуда эта шикарная машина, что привозит жену с работы и забирает по утрам? Личный шофер, как у генерала. И кто рядом с ней? Мент, пусть и с перспективой карьерного роста, но без малейших перспектив роста финансового. Ну не взяточник он, хоть убей. Уж сколько раз к нему подходили, мол, тебе и делать особо ничего не надо, лишь не лезь куда не просят... Подходившие о своей ошибке потом жалели, а Алла, если узнавала, смотрела на мужа с сожалением, как на тяжело больного.

И вот уже месяц, как спит отдельно, уходит от разговоров, отводит взгляд. О разводе речь не ведет,

но, кажется, все идет к этому. И будильник купила новый, тот самый, деликатный, мать его, чтобы, значит, не беспокоил женщину, когда менту в выходные на работу надо. Как сегодня, например.

Перед выходом посмотрелся в зеркало. Недавно купленный серый со стальным отливом костюм фабрики «Большевичка» сидит безупречно, брюки наглажены, ботинки начищены до зеркального блеска, свежая голубая рубашка, все как положено офицеру — не в джинсах же на работу ходить. Единственное послабление в честь субботы — галстук останется дома. Выходной все-таки.

Заглянул в комнату любимой. Пока еще жены. Яркое майское солнце играет в густых иссиня-черных волосах, румяное ото сна лицо и по-детски доверчивая улыбка. Господи, было же когда-то счастье.

Старенькая, купленная еще на чернобыльские деньги «пятерка» завелась с пол-оборота. Ну, поехали. Закон защищать, черт побери.

Вот и здание родного министерства. Сержант на входе проверил документы, привычно не удивляясь очередному фанатику, предпочитающему проводить свой выходной на службе — здесь таких всегда было много.

Взгляд на фото, взгляд на предъявителя... светлые курчавые волосы, прямой лоб, густые брови и ресницы, слегка оттопыренные уши, усы, мощная шея...

— Проходите, товарищ майор. Извините, вы борьбой занимались?

— Было дело, — усмехнулся Щербатов. Обращение не по уставу, но, видать, заскучал служивый. Бывает.

Что же, вперед, к великим свершениям! Холодный от светло-серого мрамора холл, лифт, длинный сумрачный коридор.

Едва Щербатов вошел в свой кабинет, как зазвонил телефон.

— Зайдите.

Ни здравствуйте, ни Василий Петрович, ни хотя бы товарищ майор. Куда там с нашим величием до простого мента снисходить! Вот как это называется? Почти ровесник, но ты майор и начальник отделения, а он полковник и начальник твоего отдела. А почему? Всего лишь потому, что лейтенантами разную форму надели. Ты серую, а он военную, но с васильковыми просветами. Только в этой конторе глубокого бурения¹ и выслуга меж званиями короче, и когда в другое ведомство переводят, еще и на звание повышают. В последнее время этих ребят в милиции много появилось, вроде как менты сами не справляются, надо их комитетчиками усилить. На руководящих постах, ага. Как там папаша Мюллер говорил: «Давать руководящие указания может и обезьяна в цирке»². Но куда деваться, идем.

— Разрешите войти?

М-да... Кабинет начальника отдела — это не его каморка с небольшим столом да тройкой стульев для подчиненных. Здесь уже другой уровень! Вдоль длинной левой стены — стенка мебельная с солидными книгами в застекленных шкафах, сувенирами на полках и телевизором в специальной нише. Рядом большой стол для совещаний и чуть в стороне, спиной к торцевой стене, украшенной портретом

¹Жаргонное название КГБ СССР.

²Ю. Семенов. «Семнадцать мгновений весны».

Дзержинского, сидит за рабочим столом сам хозяин кабинета.

— Здорово, Вася, рад тебя видеть. — Не понял, когда это мы на брудершафт пили? Тоже мне, демократ.

— Вызывали, Андрей Ферапонтович? — Господи, ну и сочетание! Интересно, тебя в родной конторе не подкалывали? Здесь-то опасаются, кому нарваться охота.

— Заходи, присаживайся. Чайку выпьем?

Среднего роста, со светлыми, расчесанными на пробор жидкими волосами, одет в серый костюм. Вообще все в нем серое, среднее и прилизанное, даже голос какой-то никакой, словно тоже средне-серый, тоску нагоняющий.

Ну, товарищ начальник, давай, осчастливь нас убогих великими откровениями. Мне ведь в выходной больше делать нечего, а гора бумаг на рабочем столе сама разберется сразу после твоих указаний. Ценных, никак не иначе.

— Не откажусь. — А что еще ответить? Что свой не хуже?

Начальник достал из шкафа два стакана, налил воды из стоявшего там же кувшина, в один стакан опустил электрический кипятильник. Когда тот закипел, подвинул его Щербатову и поставил на стол пачку индийского чая и тарелку с сушками и сахаром.

— Сыпь по вкусу, угощайся.

— Спасибо, Андрей Ферапонтович.

— Всегда пожалуйста, заходите почаще.

Это называется — начальство шутит. Нет у подчиненного других дел, кроме как в выходные с ним чаи гонять.

— Ну, если за чаем, то с удовольствием, а если за тренделями, то хотелось бы пореже, — решил отшутиться майор. — Сейчас-то зачем вызвали?

— То есть версия «просто поболтать» даже не рассматривается? Что же, тогда давай по делу. Прочитал твой рапорт на вербовку, материалы кандидата посмотрел. Что сказать, сильно, конечно, но не слишком ли? По Сеньке ли шапка?

Черт, перестраховщик, мать его! Тут больше года человека охаживаешь, уже два дела на его информации поднял, да что там, уже и подписку отобрал, лежит она в сейфе, только подписи начальства на рапорте ждет, чтобы встал агент «Комаров» в стройные ряды борцов с криминалом на полностью законных основаниях. А начальство сомневаться изволит. Великие сыщики, мастера лишь диссидентов по психушкам распихивать.

— Вас что-то смущает? Или я чего-то не понимаю? Андрей Ферапонтович, да если таких не вербовать, кого ж тогда?

— Так я не о том. Может, в шестерку¹ его отдать? Вася, ты сам посмотри, он же по конкретным бандам расклады дает. Тебе это зачем? Твое дело мокрушников да маньяков ловить. Предшественники наши на чем слетели? Забыл?

Забудешь такое, как же. Как сейчас встал перед глазами тот словно по заказу серый день, когда из славной Белоруссии пришел бодрый доклад об аресте маньяка, убившего в Витебской губернии больше трех десятков человек. Только никого в Главке эта новость не порадовала, потому что полтора десятка из этих убийств числились раскрытыми.

¹Шестое главное управление МВД СССР — управление по борьбе с организованной преступностью.